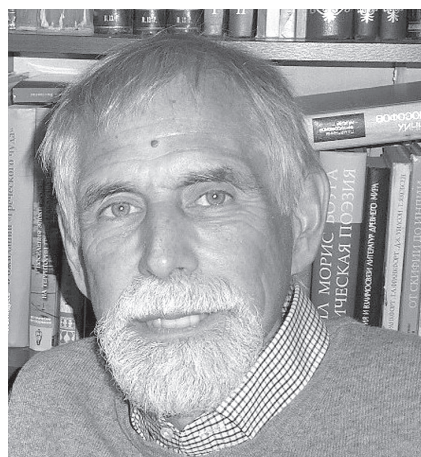

Эллинизм Роберта Кеннеди¹

ДМИТРИЙ
ПАНЧЕНКО

Роберт Кеннеди, американский политик времени перемен и устремленности в будущее, в своей лучшей политической речи назвал своим любимым поэтом Эсхила; в той же речи он призвал собравшихся «посвятить себя тому, к чему призывали еще древние греки». Что это значит? Что за этим стоит? Что это говорит о самом Роберте Кеннеди?

Роберт Кеннеди принадлежит к числу тех исторических деятелей, относительно которых естественно задаваться вопросом, что было бы, не оборвись его жизнь столь рано. Он был застрелен в ночь на 5 июня 1968 года, в разгар президентской кампании. Ему было всего 42, а между тем он обладал основательным опытом работы в администрации Джона Кеннеди, сыграл не последнюю роль в разрешении Карибского кризиса; от такого человека можно было ожидать зрелых и взвешенных решений. В официальном заявлении о намерении бороться за президентский пост (16 марта 1968 года) Роберт Кеннеди в качестве своих главных целей обозначил прекращение кровопролития во Вьетнаме и проведение политики, направленной на устранение бедности, расового и поколенческого неравенства.

1 Некоторые положения данного текста были представлены 26 апреля 2023 года в рамках устного выступления на Факультете свободных искусств и наук СПбГУ (семинар «Спорные вопросы древней и новой истории»). Предварительная версия полного варианта была внимательно прочитана Томасом Ремингтоном из Гарвардского университета, которому я чрезвычайно признателен за слова поддержки и высказанные замечания.

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

Дмитрий Вадимович Панченко (р. 1956) – историк, филолог, преподаватель Факультета свободных искусств и наук СПбГУ и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Специализируется на классической древности, автор книг «Гомер. “Илиада”. Троя» (2016), «На восточном склоне Олимпа: роль греческих идей в формировании китайской космологии» (2016).

«Я вступаю в президентскую гонку, потому что я хочу, чтобы Демократическая партия и Соединенные Штаты Америки выступали на стороне надежды, а не отчаяния и содействовали примирению людей, а не растущему риску мировой войны».

Роберт Кеннеди подчеркнул, что его решение обусловлено принципиальными соображениями, и если он бросает вызов президенту-демократу Линдону Джонсону, то это потому, что на карту поставлено не только руководство Демократической партией и страной, но и «наше право на моральное лидерство на планете»². Заявление сочинилось в спешке – соратники Роберта Кеннеди не считали правильным вязываться в избирательную кампанию при наличных обстоятельствах, и сам он некоторое время оставался в нерешительности; его спичрайтеры спорили о заключительной фразе – некоторые находили слова о моральном лидерстве на планете слишком претенциозными. И все же в заявлении не было ничего сочиненного к случаю – все мотивы, прозвучавшие в нем, присутствовали в выступлениях Роберта Кеннеди последних двух лет.

В то же время возвышенный идеализм обнаружился в его речах и позициях по конкретным вопросам далеко не с прихода в большую политику. Это давало повод обвинять Роберта Кеннеди в оппортунизме. Но, будучи практическим политиком, Роберт Кеннеди реагировал на новые обстоятельства, вместе с которыми на передний план выступали новые проблемы. Так, происходившее во Вьетнаме могло довольно долго казаться осуществлением разумной помощи Югу против агрессивных, дестабилизирующих действий Севера, поддержанных Китаем и СССР; уступать и отступать выглядело необоснованной слабостью, чреватой распространением влияния антидемократических политических идей и практик на все новые страны Азии. Пока число американских советников во Вьетнаме было незначительным, сама проблема не выглядела настолько насущной, чтобы приковывать внимание генерального прокурора – должность, которую Роберт Кеннеди занимал в администрации Джона Кеннеди. Но, когда их число стало исчисляться десятками тысяч и начали поступать сообщения о гибели американских граждан, это диктовало уже совсем иное внимание к Вьетнаму. С эскалацией боевых действий оставаться в стороне было уже невозможно.

Роберт Кеннеди был человеком принципов и гибкого ума, а не догматиком и доктринером. На протяжении нескольких лет он боролся с правительством Кастро и одновременно вы-

2 KENNEDY R. F. *Announcement of Candidacy for President* (www.4president.org//Speeches/rfk1968announcement.htm).

ступил за отмену ограничений для поездок американских граждан на Кубу. Он считал несуразным преследовать американских студентов за желание увидеть собственными глазами, что такое кубинская революция. «Будь мне 22 года, – говорил он, – Куба точно была бы местом, куда бы я хотел поехать... Наши граждане должны ездить, куда хотят»³. Роберт Кеннеди никогда не был сторонником того, что на Западе называли коммунизмом. Но, когда СССР понадобилось закупить пшеницу у США и мнения в американской администрации разделились, он решительно поддержал зерновую сделку: «Было как-то совестно отвергнуть просьбу о продовольствии для нуждающихся в нем людей»⁴.

В 1966 году Роберт Кеннеди посетил ЮАР, бывшую тогда страной апартеида. Чтобы попасть туда, ему пришлось преодолеть нежелание и проволочки южноафриканских властей, зато короткое турне оказалось захватывающим: за неделю он приобрел огромное влияние в прежде незнакомой ему стране и обнаружил, что обладает незаурядной способностью нести людям надежду. Здесь Робертом Кеннеди были произнесены ставшие знаменитыми слова:

«История человечества формируется из бесчисленных и разнообразных актов мужества и веры. Всякий раз, когда человек отстаивает идеал, или делает что-то, чтобы улучшить участь других, или борется с несправедливостью, он запускает крошечную рябь надежды; и, устремляясь из миллиона различных центров энергии и дерзновения, эти ряби создают поток, который может снести любые стены угнетения и косности»⁵.

Роберт Кеннеди был идеалистом в отношении ценностей и устремлений – и реалистом в отношении их политического воплощения. Разумеется, нет полной уверенности в том, что он выиграл бы президентские выборы или что как человек энергичный, честолюбивый и вместе с тем ранимый, порою колеблющийся, порою жесткий, он не совершил бы, став президентом, значительных ошибок. Его речи были обращены к лучшему в людях и служили их примирению и объединению, но тем не менее его личность вызвала горячую симпатию в одних сердцах и резкое неприятие – в других. Я в основном солидарен с первыми и не вижу большого преувеличения в характеристике Роберта Кеннеди как человека, который, «видя

3 SCHLESINGER A. M., Jr. *Robert Kennedy and His Times*. Boston: Mifflin, 2002. P. 550. Первое издание вышло в 1978-м, к новому было добавлено «Предисловие 2002 года».

4 Ibid. P. 597.

5 KENNEDY R. F. *Day of Affirmation Address* (www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/the-kennedy-family/robert-f-kennedy/robert-f-kennedy-speeches/day-of-affirmation-address-university-of-capetown-capetown-south-africa-june-6-1966).

зло, пытался его исправить, видя страдания, пытался их исцелить, видя войну, пытался ее остановить»⁶.

* * *

Моим предметом будет определенный аспект мировоззрения Роберта Кеннеди, каким оно было на момент его президентской кампании. Речи, произнесенные им в ходе борьбы за выдвижение в президенты от Демократической партии, конечно же, обуславливались конкретными проблемами тогдашней Америки, а также разнообразными тактическими соображениями, но они зиждились на целостном мировоззрении. Составной частью этого мировоззрения был своего рода эллинизм. Употребляя здесь это слово, я имею в виду не только встречающиеся у Роберта Кеннеди отсылки к греческим авторам и реалиям, но и более глубокую связь с миром древнегреческих ценностей и идей.

Одна из речей Роберта Кеннеди имеет для наших целей особое значение. Она была произнесена в Индианаполисе 4 апреля 1968 года. В этот день был застрелен Мартин Лютер Кинг. На момент выступления Роберта Кеннеди, запланированного в районе с преобладающим чернокожим населением, никто из простых людей о случившемся еще не знал. Кандидат в президенты взял на себя трудную и даже рискованную обязанность сообщить собравшимся эту трагическую новость.

Мартин Лютер Кинг, сказал Роберт Кеннеди, посвятил свою жизнь любви и справедливости и умер за это. В этот тяжелый день, в это тяжелое время, продолжал он, стоит задаться вопросом, что мы за нация и куда мы идем. Чернокожие среди вас могут быть преисполнены горечи, ненависти и жажды мести, и мы, как страна, можем двинуться по пути поляризации – черные с черными, белые с белыми, в ненависти друг к другу:

«Или же мы можем попытаться, как это делал Мартин Лютер Кинг, найти взаимопонимание и, вместо насилия, проявить сострадание и любовь. Я сам потерял близкого человека, и он был застрелен белым, а не черным. Я прошу вас сегодня вечером вернуться домой, чтобы помолиться за семью Мартина Лютера Кинга и за нашу страну, которую мы все любим»⁷.

6 Это слова его младшего брата Эдварда Кеннеди, произнесенные при очень особых обстоятельствах – они взяты из прощальной речи (<https://abcnews.go.com/Politics/video/june-1968-ted-kennedy-eulogy-brother-robert-kennedys-55585567>).

7 KENNEDY R.F. *Statement on Assassination of Martin Luther King, Jr.* (www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/the-kennedy-family/robert-f-kennedy/robert-f-kennedy-speeches/statement-on-assassination-of-martin-luther-king-jr-indianapolis-indiana-april-4-1968). Доступна видеозапись этого выступления: www.youtube.com/watch?v=GoKzCff8Zbs.

В этой непродолжительной речи Роберт Кеннеди находит место процитировать Эсхила и сказать о нем как о любимом поэте, а в заключительной ее части он призывает собравшихся следовать принципам, сформулированным древними греками:

«Нас ждут трудные времена. Это не конец насилия; это не конец беззакония; это не конец беспорядка.

Но огромное большинство белых людей и огромное большинство чернокожих людей в этой стране хотят жить вместе и хотят, чтобы жизнь стала лучше, и они хотят справедливости для всех, кто здесь живет.

Посвятим же себя тому, о чем греки написали столь много лет назад, – укрощению дикости в человеке и смягчению нравов в этом мире»⁸.

Эта речь аккумулирует духовную работу многих веков. Афины и Иерусалим не противостоят в ней друг другу, просвещение и вера не ведут между собой спор. Приятие суровой правды исторической и социальной жизни не вступает в противоречие с убежденностью в возможности сделать эту жизнь лучше. Наставление, звучащее словно из уст христианского проповедника, соединяется с воспринятым от греков и римлян ораторским искусством. Древнее искусство говорить подкрепляется тонкостью, воспринятой от долгих веков цивилизации: ссылаясь на Эсхила, оратор переводит событие, пробуждающее гнев и жажду мести, в регистр высокой трагедии; в трагедии же, как он знает, заключено не только отчаяние, но и нечто возвышающее нас, нечто примиряющее нас с действительностью.

Ссылаясь на Эсхила, оратор переводит событие, пробуждающее гнев и жажду мести, в регистр высокой трагедии; в трагедии же заключено не только отчаяние, но и нечто возвышающее нас, нечто примиряющее нас с действительностью.

Оратор обнаруживает исключительный такт. В такой речи необходимо быть и выглядеть искренним, и Роберт Кеннеди в самых сдержанных выражениях, впервые на публике, говорит о гибели брата. Тем самым вводится личная тема, и ее теперь можно распространить на менее очевидные в данной ситуации вещи вроде поэзии. Роберт Кеннеди называет Эсхила своим любимым поэтом, но говорит об этом, на первый взгляд, странным образом: «Моим любимым поэтом *был* Эсхил». Разу-

8 Ibid.

меется, он имеет в виду не то, что теперь больше ценит другую поэзию. Чтобы показать свою искренность, он апеллирует к тому, что ему интимно важно. Вместе с тем ситуация не подходит для разговора о поэзии и о личных предпочтениях; да и вообще ум кандидата в президенты должен быть занят проблемами избирателей, а не поэзией. И употребление прошедшего времени вместо настоящего позволяет представить увлеченность Эсхилом отголоском более раннего этапа жизни, не столь подчиненного общественным обязанностям.

Строки из «Агамемнона» – лучшей трагедии Эсхила, – как они приведены Робертом Кеннеди, по-русски можно передать так:

«Когда мы спим, боль, которую невозможно забыть, капля за каплей падает на наше сердце, пока, наконец, к отчаявшимся, помимо нашей воли, приходит мудрость через повергающую в трепет благодать бога» (179–183).

Приведенные строки стали столь памятными для Роберта Кеннеди благодаря книге Эдит Гамильтон «Греческий путь к западной цивилизации»⁹. Это было установлено его другом и биографом Артуром Шлезингером младшим¹⁰. Работа Гамильтон появилась в 1930 году; в 1942-м увидел свет расширенный вариант, который затем неоднократно перепечатывался. Книга была адресована широкой публике, ее много читали. «Греческий путь» – это основательный и крайне заинтересованный разговор о греческой литературе, греческом искусстве, греческом образе мысли и о судьбе Афин V века до нашей эры, выступающих здесь как средоточие и кульминация греческой цивилизации; этот текст пропитан искренним и глубоким восхищением перед творческими достижениями греков. Ее сквозная тема – сопоставление двух миров, древнего и современного; и это сопоставление не натужное, но рожденное из восприятия греческого наследия как подлинно близкого и тем самым актуального. Небольшая глава, посвященная трагедии, среди лучших. В ней автор встраивается в обсуждение и споры, которые вели Гегель, Шопенгауэр и Ницше; она проникнута огромной любовью не только к греческим трагикам и Шекспиру, но и к русской литературе. Превосходна и глава об Эсхиле, из которой Роберт Кеннеди мог почерпнуть приведенную им цитату. Впрочем, эсхилевские строки появляются и в более раннем месте книги, они явно дороги автору¹¹.

Известно, при каких обстоятельствах внимание Роберта Кеннеди оказалось привлечено к «Греческому пути». Он проводил Пасху 1964 года в узком кругу близких людей. Боль от смер-

⁹ HAMILTON E. *The Greek Way to Western Civilization*. New York: Norton, 1963.

¹⁰ SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 618.

¹¹ HAMILTON E. *The Greek Way to Western Civilization*. P. 56.

ти брата, убитого 22 ноября 1963 года, была еще очень остра. Книгу Гамильтон он получил из рук Жаклин Кеннеди: «Я много читала ее раньше и привезла с собой. Я дала книгу ему и помню, что он с ней тотчас исчез. Он оставался в своей комнате ужасно долго, читая и подчеркивая разные вещи». Об этом Жаклин Кеннеди рассказала Шлезингеру¹².

Известна и предыстория, связанная с Жаклин Кеннеди. Мир классической древности был для нее близким, в школе она с большим увлечением занималась латынью. О строчках Эсхила ей напомнил ее бывший жених Джон Уайт; он привел их в открытке, написанной в качестве поддержки и утешения, когда (в августе 1963 года) умер в младенчестве один из детей Джона и Жаклин Кеннеди, Патрик¹³.

К полученному от Жаклин Кеннеди экземпляру «Греческого пути» Роберт Кеннеди прибавил другие, и один из них всегда держал в портфеле для деловых бумаг. Это были дешевые издания в бумажном переплете¹⁴. Шлезингер видел экземпляр со множеством подчеркиваний. Биограф говорит о меланхолии: в цитатах из Эсхила, Еврипида, Геродота, Фукидида зачастую отмечены слова о том, сколь печально человеческое существование. Подчеркнул Роберт Кеннеди, однако, и такую фразу из Еврипида: «Твой долг помогать всем, с кем поступили несправедливо»¹⁵.

Роберт Кеннеди стал читать и другие книги Эдит Гамильтон. Шлезингер вспоминает, как тот однажды (в августе 1966-го) вытащил из портфеля зачитанный том с выпадающими страницами, «Три греческие пьесы» (в переводе Гамильтон), и почти что застенчиво попросил его прочесть два отрывка из «Троянок» Еврипида: один об ужасах войны, другой – о дружбе и верности¹⁶.

Я до сих пор преимущественно сводил воедино свидетельства Шлезингера и наблюдения американских исследователей. Кое-что можно добавить. Шлезингер обращает внимание на фразы, написанные рукой Роберта Кеннеди на отдельном листе (в 1964 году), взятые из «Греческого пути»¹⁷:

«Невинные страдают – как такое может быть и как же Бог может быть справедливым[?]» («The innocent suffer – how can that be possible and God be just»).

12 SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 617–618.

13 Эту предысторию выяснила Джудит Халлетт, собирая биографические сведения об Эдит Гамильтон: ХАЛЛЕТТ J.P. *Edith Hamilton (1867–1963)* // *The Classical World*. 1996–1997. Vol. 90. P. 107–147.

14 На моем экземпляре «The Greek Way», приобретенном тридцать лет назад в букинистическом магазине близ университета, в котором учился Роберт Кеннеди, значится цена в 65 центов.

15 SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 618. Фраза из «Просительниц», ст. 304–305 (в переводе И. Анненского эта трагедия названа «Умоляющие»).

16 *Ibid.* P. 619.

17 HAMILTON E. *The Greek Way to Western Civilization*. P. 185 (глава об Эсхиле), 23 (глава «Mind and Spirit»); SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 617.

«Все вещи подлежат проверке и должны быть поставлены под сомнение. Мысль не имеет ограничений» («All things are to be examined and called into question. There are no limits set to thought»).

Роберт Кеннеди внимательно прочитал главу о Фукидиде – именно здесь Гамильтон цитирует подчеркнутую им фразу из Еврипида: «Твой долг помогать всем, с кем поступили несправедливо». Стержневая тема главы – это то, как афиняне отказались от собственных идеалов и потерпели крах, перейдя к беспринципной политике. Этот далеко не расхожий взгляд на вещи отразился в темпераментной речи Роберта Кеннеди, произнесенной в Канзасском университете на старте президентской кампании:

«С самого начала мы преисполнились гордости от обещания, сформулированного Джефферсоном, что мы, в нашей стране, станем лучшей надеждой человечества. А сейчас, глядя на войну во Вьетнаме, мы задаемся вопросом, сохраняем ли мы подобающее уважение к мнению человечества и сохраняет ли мнение человечества подобающее уважение к нам, или же, подобно древним Афинам, мы лишимся симпатии и поддержки, а в конечном счете, и самой нашей безопасности, односторонне преследуя собственные цели»¹⁸.

По крайней мере однажды Роберт Кеннеди цитирует Гамильтон, прямо называя ее по имени. Его биографы и те, кто писал о Гамильтон, кажется, этого не отметили. Между тем цитата происходит из политико-публицистической работы Роберта Кеннеди, что показывает степень его интереса и уважения к идеям Эдита Гамильтона:

«“Образование [является] по своей природе индивидуальным делом... не ориентированным на массовое производство. Оно не производит людей, которые идут одним и тем же путем, повинаясь инстинкту... У нас, [однако], миллионы извлекают одни и те же уроки и проводят часы перед телевизором, глядя на одно и то же в одно и то же время. По той или иной причине мы все больше и больше пренебрегаем различиями, если и не пытаемся от них вовсе избавиться. Похоже, мы движемся к стандартизации мышления, к тому, что Гёте называл *смертоносной банальностью, сковывающей всех нас*“. Это не из выступления участника митинга в Беркли; это сказано Эдит Гамильтон, одним из наших величайших филологов-классиков»¹⁹.

18 KENNEDY R.F. *Remarks at the University of Kansas* (www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/the-kennedy-family/robert-f-kennedy/robert-f-kennedy-speeches/remarks-at-the-university-of-kansas-march-18-1968). В той же речи в связи с войной во Вьетнаме Роберт Кеннеди вспоминает и о римском империализме: «Я не хочу быть частью правительства, я не хочу быть частью Соединенных Штатов, я не хочу быть частью американского народа, если о нас будут писать то, что было написано о Риме: “Они сотворили пустыню и назвали это миром”». Цитируемая фраза восходит к Тациту (Агрикола, 30, 6: *ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*).

19 ИДЕМ. *To Seek a Newer World*. New York: Doubleday, 1967. P. 7–8 (ср.: HAMILTON E. *The Ever-Present Past*. New York: Norton, 1964. P. 36). Приведенный текст цитируется в разделе, посвященном проблеме молодежи и межпоколенческих отношений. В этом же разделе цитируются в английском переводе стихотворные

Здесь следует сказать несколько слов о жизни и творчестве Эдит Гамильтон. Она родилась 12 августа 1867 года в семье зажиточных родителей. В 1890-м поступила в Колледж Брин-Мар (Bryn Mawr College) в Пенсильвании, на старших курсах специализировалась на греческом и латыни; получила последовательно бакалаврскую и магистерскую степени. Стипендия позволила ей в течение года продолжить образование в Германии – в Лейпциге, а затем в Мюнхене, где преподаватели в ее присутствии ворчали, что, дескать, и до них докатился женский вопрос. Собиралась писать диссертацию, но приняла взамен предложение возглавить школу, готовившую девочек к поступлению в Колледж Брин-Мар, и на этой административной должности пробыла с 1896-го по 1922 год, так и не став профессиональным ученым.

Выйдя в отставку, Эдит Гамильтон поселилась в Нью-Йорке. Ее рассуждения о греческих трагиках поражали друзей. Кто-то шутил, что она, должно быть, только что отобедала с Эсхилом; кто-то уверял, что она говорит о нем, словно о собственном сыне²⁰. Сотрудницы одного театрального журнала уговорили ее писать об аттической драме для их читателей. Гамильтон было почти шестьдесят, когда она начала литературную карьеру. «Греческий путь» был ее первой книгой, за которой последовали другие. Публичное признание пришло в 1957 году: в Афинах, в Одеоне Герода Аттика был поставлен эсхилловский «Прометей» в ее переводе; король Греции Павел вручил Эдит Гамильтон орден, а мэр Афин объявил ее почетным гражданином города.

В том же году появляется ее первая и единственная, весьма особая по характеру публикация в научном журнале. Это обращение к юбилейной конференции Классической ассоциации штатов Атлантического побережья²¹. Послание выдержано в спокойном благородном тоне: это не благостные наставления девяностолетней старушки, а яркий, полемический текст. Эдит Гамильтон критикует современную философию и поэзию за их склонность к зауми и невнятице; она говорит о тарабарщине, свойственной жаргону представителей властей, и чудовищном многословии официальных отчетов Конгресса. Она предупреждает об опасности того, что Гилберт Мюррей назвал *effortless barbarism* – примитивный идеал жизни без напряжения. Она отстаивает ясность мысли, приятие трудностей жизни, энергию и свободу. И поскольку эти качества, по ее мне-

строки Андрея Вознесенского (р. 14), а у Шлезингера можно найти интересное описание встреч Роберта Кеннеди с Вознесенским, а также Евтушенко (SCHLESINGER A. M., JR. *Op. cit.* P. 818–819).

20 HAMILTON E. *The Ever-Present Past*. P. 12 (из предисловия Дорис Рид).

21 ИДЕМ. *The Classics // The Classical World*. 1957. Vol. 51. P. 29–32.

нию, были в особой степени свойственны грекам и римлянам, и, поскольку она верит в притягательную силу высоких идеалов и образцов, она считает неверным сворачивание классического образования. Расширенный вариант этого обращения составил ключевой раздел ее книги «The Ever-Present Past». Приведу несколько выдержек:

«Существует ли вечное прошлое? Существуют ли непреходящие истины, вечно важные для настоящего? [...]

Мы принадлежим к великой цивилизации, которую предстоит спасти – или же потерять. Величайшей цивилизацией до нашей была греческая. Она бросает нам вызов, и нам нужен вызов. Греки тоже жили в опасном мире... В сфере искусства и мысли они записали на свой счет достижения, оставшиеся непревзойденными за все столетия человеческой деятельности. [...]

Способность погрузиться в мир мысли – вот что значит быть образованным»²².

«Основой всего, что делали греки, была греческая свобода. Греки были свободны; никто не говорил им, что делать или что думать – ни церковь, ни политические партии, ни могущественные частные интересы, ни профсоюзы. У греческих школ не было доноров, на которых они должны были обращать внимание, не было государственной финансовой поддержки. Конечно, им приходилось брать на себя всю ответственность, но такова всегда плата за подлинную свободу. Греки были сильным народом; они готовы были платить. Исключительной особенностью греков и основой их свободы было желание знать. Они хотели выяснить истину»²³.

В эти годы Гамильтон жила уже в Вашингтоне, где ее посещали разные знаменитости – например, классик Вернер Йегер или сенатор Джеймс Уильям Фулбрайт (основатель программы международного обмена ученых). Джон и Жаклин Кеннеди включили ее в число лиц, приглашенных на президентскую инаугурацию; правда, Эдит Гамильтон в свои 93 (в январе 1961 года) предпочла наблюдать инаугурацию по телевизору. Она не дожила пары месяцев до 96 лет.

* * *

Призыв, прозвучавший в речи Роберта Кеннеди в Индианapolisе, гласит: «Посвятим же себя тому, о чем греки написали столь много лет назад, – укрощению дикости в человеке и смягчению нравов в этом мире». Артур Шлезингер отмечает, что фраза «to tame the savageness of man and make gentle the life of this world» звучала из уст Роберта Кеннеди неоднократно и

22 ИДЕМ. *The Ever-Present Past*. P. 25–26.

23 ИДЕМ. *The Classics*. P. 30–31.

что она взята из книги Эдит Гамильтон «The Ever-Present Past»²⁴. Уточним, что книга, вышедшая в 1964 году, представляет собой посмертное собрание эссе, написанных Эдит Гамильтон в разное время. Интересующая нас фраза происходит из раздела, по которому назван весь том, но впервые она была употреблена в обращении к юбилейной конференции Классической ассоциации штатов Атлантического побережья 26 апреля 1957 года. Это оригинальная формулировка, но вместе с тем, как убедительно показал Джозеф Казацца, она восходит к книге Гилберта Мюррея «The Rise of the Greek Epic»²⁵.

Гилберт Мюррей (1866–1957) был ведущим британским эллинистом первой половины XX века, а также крупной общественной фигурой: он работал в структурах Лиги наций; в 1952-м был делегатом Мирового гуманистического конгресса, учредившего Гуманистический интернационал. Мюррей – единственный ученый, упомянутый Гамильтон в «Греческом пути». А ее многолетняя компаньонка Дорис Рейд вспоминает замечательный разговор по поводу объявленного решения греческих властей наградить Гамильтон за научную и просветительскую деятельность: «Все это неправильно. Эти награды должен был получить Гилберт Мюррей. Я принимаю их единственно потому... что мне девяносто лет. Получается красивая история»²⁶.

Так вот, Гилберт Мюррей цитирует надпись, найденную в конце XIX века при раскопках в Дельфах. Дельфийский декрет, датируемый 125 годом до нашей эры, воздает хвалу афинянам – в частности, за то, что они «привели человечество от жизни диких животных к мягкости нравов»; в переводе Мюррея: «won mankind from the life of wild beasts to gentleness». Джозеф Казацца резонно усматривает здесь источник первой части фразы «to tame the savageness of man and make gentle the life of this world».

Вторая часть восходит к цитируемым в той же книге Мюррея словам Дионисия Галикарнасского (*De Thuc.* 44) об афинянах, «привнесших мягкость нравов в жизнь мира» («they who made gentle the life of the world»). У Гилберта Мюррея обе фразы приводятся в близком соседстве, причем цитату из Дионисия он предваряет словами «в выражениях дельфийского постановления» («in the very language of an old Delphian decree»). Все это эхом звучит в тексте Эдит Гамильтон: «Была древняя надпись в Дельфах, которая объявляла предназначением людей “to tame the savageness of man and make gentle the life of the world”»²⁷.

24 IDEM. *The Ever-Present Past*. P. 34; SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 618–619.

25 CASAZZA J. «*Taming the Savageness of Man*»: Robert Kennedy, Edith Hamilton, and Their Sources // *The Classical World*. 2003. Vol. 96. P. 197–199.

26 HALLETT J.P. *Op. cit.* P. 123.

27 HAMILTON E. *The Classics*. P. 31.

Итак, фраза об укрощении дикости в человеке взята Робертом Кеннеди у Эдит Гамильтон, а у той она сложилась под влиянием «The Rise of the Greek Epic» Гилберта Мюррея. Похоже, что Роберт Кеннеди и сам был знаком с этой книгой. Вот его слова из речи в Кливленде, 5 апреля 1968 года: «Мы должны понимать, что ненависть или месть не облагораживают и не обогащают нашу короткую жизнь» (“We must recognize that this short life can neither be ennobled or enriched by hatred or revenge”)²⁸. А вот что пишет Мюррей: «Под прогрессом я понимаю постепенное облагораживание и обогащение содержания жизни» («By progress I understand some gradual ennobling and enriching of the content of life»)²⁹. Сходное выражение еще раз звучит во вводной части его книги³⁰ – именно ее Роберт Кеннеди скорее всего и читал. Мюррей обосновывает здесь взгляд на греческую литературу и цивилизацию как на проводников прогресса в указанном смысле слова. Да, у греков были рабы, но рабство было распространено по всему свету и признавалось допустимым даже в христианской Европе; в греческом мире по крайней мере громко звучали голоса тех, кто отрицал справедливость рабства, и мягкое обращение с рабами в Афинах было нормой. В подчиненном положении женщин также не было греческой специфики, зато в аттической трагедии возникает целая галерея ярких женских образов – Клитемнестра, Антигона, Алкеста, Поликсена, Иокаста, даже Федра и Медея; а с какой теплотой изображены троянки в одноименной трагедии Еврипида!

«Все эти персонажи – свободные женщины, свободно мыслящие, свободные духом. Они представлены с не меньшим уважением, чем любой из мужских персонажей, и с большей разработанностью и симпатией»³¹.

Такие образы не могло породить общество, в котором свободных женщин не было. А благодаря одной из речей Демосфена (XXII, 53) мы можем хорошо почувствовать, каким ударом для порядочного человека было потерять уважение своей жены. В заключительной части главы Мюррей говорит о характерном для греческого духа соединении восприятия мира таким, как он есть (в противоположность беспочвенным мечтам и фантазиям), с привычкой четко оценивать вещи, последовательно различая хорошие и дурные, притягательные и отталкивающие, и, в конечном счете, со стремлением сделать жизнь

28 KENNEDY R.F. *Remarks to the Cleveland City Club* (www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/the-kennedy-family/robert-f-kennedy/robert-f-kennedy-speeches/remarks-to-the-cleveland-city-club-april-5-1968). Уточню, что в составлении кливлендской речи принимали участие также спичрайтеры Роберта Кеннеди (SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 877).

29 MURRAY G. *The Rise of the Greek Epic*. Oxford: Clarendon, 1924. P. 1.

30 Ibid. P. 24.

31 Ibid. P. 19.

вокруг лучше. Такого рода рассуждения не были безразличны Роберту Кеннеди; с некоторыми он был отчасти знаком по их отражению у Эдит Гамильтон.

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО
ЭЛЛИНИЗМ РОБЕРТА
КЕННЕДИ

* * *

В Гарварде, в студенческие годы, Роберт Кеннеди много играл в американский футбол, а оценки получал посредственные. Он вроде бы неплохо знал Шекспира, любил поэзию, но я не встречал свидетельств о его раннем интересе к греческой литературе и истории. Артур Шлезингер и вслед за ним Эван Томас связывают перемену именно с книгой Эдит Гамильтон, полученной из рук Жаклин Кеннеди. Кое в чем более поздний биограф идет дальше своего предшественника:

«В пьесах Эсхила и Софокла Кеннеди обнаружил рок и заносчивость (*hybris*). Он начал задумываться, не перегнула ли семья Кеннеди палку, не осмелилась ли она на что-то слишком большое. В своем экземпляре книги Эдит Гамильтон “Греческий путь” он подчеркнул слова Геродота: “Всякое высокомерие пожнет урожай, обильный слезами. Бог призывает людей к тяжелой расплате за чрезмерную гордыню”. Сравнение себя с действующим лицом греческой трагедии может показаться претенциозным и несовместимым с самоуничижением, которому Роберт Кеннеди был не чужд, но у него было эпическое восприятие собственной семьи. Кеннеди были домом Атрея, благородным и обреченным, а сам он начал смотреть на себя как на Агамемнона»³².

В отличие от меня, Эван Томас видел множество книг, принадлежавших Роберту Кеннеди, с загнутыми уголками и многочисленными подчеркиваниями³³. Но он не приводит каких-либо подтверждений своей точке зрения. Идея, что Роберт Кеннеди сближал себя с предводителем общегреческого похода против Трои, коварно убитого по возвращению домой мстительной и неверной женой, кажется мне парадоксальной.

Не кажутся убедительными и рассуждения, помещающие фигуру и судьбу Роберта Кеннеди в контекст, родственные идее Эвана Томаса. А именно: порой приходится слышать, что братья Кеннеди – убит сначала один, затем другой – предстают наподобие персонажей греческой трагедии рока, как если бы на них обрушилось родовое проклятие, словно на Лабдакидов или потомков Фиеста. Нужна ли здесь возвышенная эллинизирующая мистика? Если вслед за комиссией Уоррена считать, что Ли Харви Освальд (который прожил несколько лет в СССР и который,

32 THOMAS E. *Robert Kennedy. His Life*. New York: Simon and Schuster, 2000. P. 22.

33 Ibid. P. 287.

вернувшись в Америку, поддерживал контакты с советскими и кубинскими представителями) действовал в одиночку, то можно представить возбужденное злобой сознание его подражателя: одного Кеннеди убили, можно и второго. Если же исходить из версии заговора, то естественно думать, что второе убийство организовали те же силы, что и первое, опасаясь неприятностей – в случае, если американским президентом станет родной брат их первой жертвы.

Какая из основных версий того, что произошло в Далласе 22 ноября 1963 года, заслуживает предпочтения, решить в настоящее время невозможно. С одной стороны, никто из критиков официальной точки зрения не обладал такими возможностями для расследования, как люди, работавшие в комиссии Уоррена. За шестьдесят лет после выстрелов в Далласе не всплыло никаких фактов, недвусмысленно указывающих на заговор (это практически исключает какую бы то ни было версию внутреннего заговора). Логично думать, что такое рискованное предприятие, как организация покушения на американского президента, предполагает наличие очень сильного мотива, между тем такой мотив не был предъявлен.

С другой стороны, комиссия Уоррена была создана именно с той целью, чтобы прийти к выводу, к которому она пришла. Линдон Джонсон, сменивший на посту президента Джона Кеннеди, убеждал Уоррена: коль скоро общественное мнение будет враждебно настроено против Кубы и Советского Союза, это может привести к войне³⁴. Сам Джонсон в первые дни после убийства явно склонялся к версии заговора с иностранным участием³⁵. Следует при этом сознавать (обстоятельство, которое часто недооценивается) полное отсутствие интереса у американского руководства к версии о советском участии в покушении. Уточню: эта незаинтересованность была не столько своекорыстной (прикрыть просчеты ФБР или неблагоприятные действия ЦРУ в отношении Кубы), сколько политически ответственной: признание советского участия вело бы к невыносимому выбору между национальной травмой (неотомщенное убийство президента) и войной с ядерной державой³⁶. Амери-

34 MANCHESTER W. *The Death of a President*. New York: Harper and Row, 1967. P. 891.

35 Версия иностранного заговора прозвучала в телефонном разговоре Линдона Джонсона с Робертом Кеннеди в день убийства (SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 609). Несколькими днями позже Губерт Хэмфри был в доме Джонсона. В холле висел портрет Нго Динь Зьема, первого президента Южного Вьетнама, убитого 2 ноября 1963 года в ходе военного переворота. Взглянув на портрет, Джонсон заметил: «Мы приложили руку к его убийству, и теперь это происходит у нас» (HUMPHREY H.N. *The Education of a Public Man. My Life and Politics*. Minneapolis; Oxford: University of Minnesota Press, 1991. P. 196).

36 Сходно по мысли, хотя и в другом духе, рассуждает Шлезингер: «Сложилась ироничная ситуация, когда в силу логики бюрократического самосохранения ЦРУ и ФБР отрицали любую возможность причастности Кубы или Советского Союза. И новая администрация не хотела думать о немислимых проблемах, которые возникли бы, появившись признаки международного заговора» (SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 615). Шлезингер при этом обходит молчанием коллизию с Джеком Руби, который застрелил Освальда на глазах

канские власти и американские спецслужбы почти сразу же после ареста Освальда сознательно отказались от расследования возможного заговора. ФБР, возглавляемая могущественным Эдгаром Гувером, и офис генерального прокурора здесь действовали заодно. Всего лишь три дня спустя после убийства, 25 ноября, заместитель Роберта Кеннеди, Николас Катценбах, отправил письмо помощнику Линдона Джонсона, в котором настаивал на необходимости убедить общественность в том, что Освальд действовал в одиночку³⁷. Материалы комиссии Уоррена документируют консолидированную позицию правительственных кругов; ее главный вывод относительно убийцы-одиночки солидарно поддержали госсекретарь, министр обороны, генеральный прокурор, руководители спецслужб и прочие «на основании информации, доступной каждому из них»³⁸.

Роберт Кеннеди был братом, соратником и ближайшим сотрудником Джона Кеннеди. Убийство, совершенное в Далласе, потрясло его и надолго выбило из колеи. На работе он впадал в глубокую задумчивость, дома погружался в чтение книг, одиноко слонялся по зимним полям.

Конечно же, такие люди умеют брать себя в руки – предисловие Роберта Кеннеди к переизданию книги брата «Досье мужества» («Profiles in Courage»), датированное 18 декабря 1963 года, написано энергично и ярко – человеком, готовым принять вызов. И вместе с тем он долгие месяцы не мог выйти из состояния душевной растерянности.

В день убийства Роберт Кеннеди метался от одной версии к другой (гангстеры, ЦРУ)³⁹. Он сказал одному из друзей, приехавших его поддержать: «Я думал о том, что одного из нас они, возможно, достанут, но Джек, после всего того, через что он прошел, об этом не беспокоился... Я думал, это буду я»⁴⁰. Такие слова направляют мысль на какую-то затяжную, непрекращающуюся, скорее местную вражду – и точно не на СССР. Гангстеры были его сферой забот, но если тогда он подумал

у миллионов телезрителей, оказавшись в нужное время в охраняемом полицейском участке. В отчете комиссии Уоррена приводятся разумные возражения против предположения, что Руби был частью заговора, направленного на убийство президента Кеннеди (*Report of the President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1964. P. 373). Но там не рассматривается более правдоподобный сценарий – что миссия Руби была организована «компетентными лицами» и заключалась в предотвращении национального унижения и ужасов мировой войны. Руби был дельцом с темным прошлым и раковой опухолью – его можно было уговорить; характерно, что ему дали умереть собственной смертью (вынесенный ему смертный приговор был отменен апелляционной коллегией ввиду процессуальных нарушений; был назначен новый процесс, но в начале 1967 года неизлечимый больной скончался: MANCHESTER W. *Op. cit.* P. 897).

37 *The Investigation of the Assassination of President John F. Kennedy: Performance of the Intelligence Agencies. Book V. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operation with Respect to Intelligence Activities*. 1976 (далее – *Final Report*). P. 23.

38 *Report of the President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy*. P. 374.

39 THOMAS E. *Op. cit.* P. 277.

40 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 609.

о них, то от этой версии он вскоре отказался: это следует из того, что после убийства Джона Кеннеди он в значительной мере утратил интерес к организованной преступности и даже к тем людям в ней, с кем он долго боролся⁴¹. К расследованию, казалось, он вообще стал относиться так, словно хотел загорючиться от боли, перевернуть страницу – мертвого все равно не вернуть⁴². Артур Шлезингер вспоминает:

«Вечер 9 декабря мы проводили вместе, и я спросил его – возможно, это было бестактно – об Освальде. Он сказал, что серьезных оснований сомневаться в его виновности не имеется, но, что остается спорным вопрос, действовал ли он один или же был частью заговора, организованного либо Кастро, либо гангстерами; ФБР считает, что он действовал сам по себе, но Маккоун⁴³ считает, что стрелков было двое»⁴⁴.

Хотя заключение комиссии Уоррена Роберт Кеннеди формально поддержал, но, по свидетельству Шлезингера, не считал проведенное расследование адекватным. Биограф и друг Роберта Кеннеди остался в нерешительности, к какому мнению относительно убийства в Далласе – заговор или одиночка – тот склонялся⁴⁵.

Характерно, что в приведенном разговоре фигурирует Кастро, но не СССР. Несмотря на биографию Освальда, ближайшие к убитому президенту люди, Жаклин и Роберт Кеннеди, не хотели принимать мысль о советском участии. По крайней мере они не верили, что инициатива могла исходить от Хрущева. Иначе Жаклин Кеннеди не написала бы весьма дружественное письмо Хрущеву, датированное 1 декабря 1963 года. В этом письме имеются, правда, слова, назначение которых не очевидно и которые тем самым приковывают к себе внимание:

«Вы и мой муж были противниками, но вы были едины в решимости не допустить, чтобы мир был взорван. Вы уважали друг друга и могли иметь дело друг с другом. Я знаю, что президент Джонсон приложит все усилия, чтобы установить с Вами такие же отношения.

Опасность, беспокоившая моего мужа, заключалась в том, что войну могут начать не столько большие люди, сколько маленькие.

В то время как большие люди сознают необходимость самоконтроля и сдержанности, маленькие люди подчас больше движимы страхом и гордыней [*fear and pride*]. Лишь бы в будущем большие люди могли и дальше делать так, чтобы маленькие садились и разговаривали, прежде чем пускаться в драку!

41 THOMAS E. *Op. cit.* P. 283.

42 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 614.

43 В то время – директор ЦРУ.

44 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 615–616.

45 *Ibid.* P. 616–617.

Я знаю, что президент Джонсон продолжит политику, в которую так глубоко верил мой муж – политику контроля и сдержанности, – и ему понадобится Ваша помощь»⁴⁶.

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО
ЭЛЛИНИЗМ РОБЕРТА
КЕННЕДИ

Что это за ситуация, когда некие маленькие люди могут пуститься в драку, то есть запустить войну между сверхдержавами? Трудно представить себе какую-либо иную, кроме той, в обстоятельствах которой Жаклин Кеннеди пишет свое письмо. Она, по-видимому, намекает на вероятность участия в убийстве президента Кеннеди агентов Москвы, действовавших без ведома Хрущева, тогда как за трактовкой такого рода ситуации как двухсторонней стоят, вероятно, дошедшие до Жаклин Кеннеди сообщения о планах ЦРУ убить Фиделя Кастро – без ведома главы американского государства. К весне 1968 года Жаклин Кеннеди, тем не менее, отказалась от мысли о советском участии. Это следует из ее горьких слов, сказанных Артуру Шлезингеру по поводу решения Роберта Кеннеди бороться за президентское кресло:

«С Бобби случиться то же, что с Джеком... В этой стране так много ненависти, и больше людей ненавидят Бобби, чем ненавидело Джека... Я сказала это ему, но он, в отличие от меня, не фаталист»⁴⁷.

О Роберте Кеннеди известно, что в ближайшие недели и месяцы после далласского убийства он через своих друзей поддерживал контакты с Москвой. Его неформальные представители, приезжавшие в Москву, настойчиво проводил мысль, что Советскому Союзу будет намного труднее находить общий язык с новым президентом, и сообщали о политических планах Роберта Кеннеди: до конца 1964 года он останется на посту генерального прокурора, затем будет баллотироваться в губернаторы Массачусетса, чтобы накопить политический капитал для выдвижения в президенты; подчеркивалось, что он и именно он способен, в отличие от Линдона Джонсона, продолжить линию Джона Кеннеди на улучшение отношений с СССР. Люди, связанные с семьей Кеннеди, также давали понять, что не склонны придавать значения советским и кубинским контактам Освальда⁴⁸.

Роберт Кеннеди не любил Линдона Джонсона, но зачем страдать им Москву? Планами делятся с друзьями – зачем со-

46 MANCHESTER W. *Op. cit.* P. 921. В советском переводе книги это письмо опущено – как и весь раздел «Приложений», к которому оно принадлежит.

47 SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 857. Интересно, что первоначально Жаклин Кеннеди обнаруживала психологическую заинтересованность в версии заговора. Ее терзали всякие «если бы». Если бы, например, она в то утро настояла на закрытой машине, если бы минутой раньше или позже... Мысль же о заговоре представляла трагедию неизбежной – пуля настигла бы не в одном, так в другом месте (MANCHESTER W. *Op. cit.* P. 913).

48 FURSENKO A., NAFTALI T. *One Hell of a Gamble. Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964*. New York; London, 1997. P. 344–346; 350.

общать о них противникам, пусть даже те по совместительству являются партнерами? Можно сказать, что психологически Роберт Кеннеди был склонен к жесту, который условно можно назвать «все карты на стол»: во время переговоров, связанных с Карибским кризисом, он подчас вел себя именно в таком духе. Но должна была быть еще и цель. И ясно, что он не стремился заручиться политически самоубийственной помощью Москвы. Не хотел ли он посредством доброжелательных и отчасти откровенных контактов с московскими знакомыми донести до советского руководства тройную мысль, что убийство Джона Кеннеди противоречит интересам СССР; что убийство Роберта Кеннеди – продолжателя той же политической линии – этим интересам тоже никак не будет соответствовать и что было бы разумным убрать из руководства людей, если есть таковые, которые связаны с убийством президента Кеннеди?

Шлезингер ничего не говорит о наличии у Роберта Кеннеди подозрений в отношении советской причастности – и сам молчит по этому поводу. Действительно, казалось логичным, что Хрущев был заинтересован в партнерских отношениях с Джоном Кеннеди и что без Хрущева столь ответственные планы, как покушение на американского президента, не могли быть приняты. Однако обнаруживаются данные, указывающие на то, что Роберт Кеннеди не считал выводы, основанные на подобной логике, безупречно надежными.

В письме от 16 февраля 1964 года Энн Флеминг, жена Яна Флеминга, делится с Клариссой Эвон впечатлениями об обеде у американского посла в Лондоне Дэвида Брюса:

«Меня посадили рядом с Бобби Кеннеди, который мне совсем не понравился. У него то ли травма шеи, то ли он страдает от скрытого чувства вины – он, казалось, не мог держать голову прямо или смотреть кому-то в глаза»⁴⁹.

Далее она сообщает, что Роберт Кеннеди одержим книгами ее мужа и с какой-то неприятной серьезностью выпытывал у нее сведения о нем и его шпионских интригах. Эван Томас, обративший внимание на это письмо, справедливо замечает, что оно раскрывает «настроение и заботы Роберта Кеннеди того времени»⁵⁰. Он, однако, имеет в виду длительный период и проходит мимо более частных обстоятельств.

Между тем 4 февраля 1964 года, воспользовавшись служебной командировкой в Женеву, совершил бегство на Запад офицер КГБ Юрий Носенко. Событие это, казалось, вызвало переполох в советских спецслужбах, но вместе с тем быстро выяснилось, что лейтмотивом в информации, переданной Носен-

49 AMORY M. (Ed.). *The Letters of Ann Fleming*. London: Collins Harvill, 1985. P. 335–336.

50 THOMAS E. *Op. cit.* P. 283–284.

ко, было заверение, что КГБ никогда не имело никаких планов на Освальда. Брат убитого президента, все еще остававшийся (до сентября 1964 года) в должности генерального прокурора и поддерживавший дружеские отношения с директором ЦРУ Джоном Маккоуном⁵¹, должен был узнать о бегстве Носенко в ближайшие дни после события. Братья Кеннеди были поклонниками романов о Джеймсе Бонде⁵², и как раз в 1963 году вышла экранизация одного из них, «Из России с любовью», где в качестве сюжетного хода используется специально подстроенное бегство офицера КГБ с целью дезинформации западных противников. В американских спецслужбах мнения разделились: одни считали Носенко перебежчиком, другие – агентом, засланным с целью повлиять на представление в Америке о возможной связи Освальда с КГБ. Было выявлено, что в ряде случаев Носенко говорил неправду, но картина все же оставалась неясной. Было предложено от дружеских бесед перейти к тактике жестких допросов, а самого Носенко поместить, по существу, в тюремные условия. Генеральный прокурор Роберт Кеннеди поддержал эту идею и в дальнейшем настойчиво интересовался ходом допросов⁵³. В конце концов, когда вопрос потерял актуальность (осенью 1968 года), возобладало мнение, что Носенко на самом деле был перебежчиком⁵⁴.

Так что озабоченность и нарушающая светские правила серьезность Роберта Кеннеди в общении с Энн Флеминг вполне понятны. Относительно его чувства вины наблюдательная и не лишённая язвительности собеседница, по-видимому, тоже попала в точку.

Летом 1963 года ЦРУ стало разрабатывать план переворота на Кубе. Ключевой участник с кубинской стороны, известный под кодовым именем *Amlash* (Роландо Кубела), как будто настаивал на убийстве Фиделя Кастро. Предложение было принято. Фидель Кастро, что-то узнавший о приготовлениях (не исключено, что Кубела был провокатором), разразился ответными угрозами. Выступая 7 сентября с речью в бразильском посольстве в Гаване, он, как сообщают, заявил: «Пусть Кеннеди и его брат Роберт позаботятся о себе – они сами могут стать жертвами покушения». Однако в Америке компетентный комитет рассудил (12 сентября), что Куба не пойдет на прямую конфронтацию со Штатами и что организация покушений на американских должностных лиц является маловероятной. За три недели до выстрелов в Далласе, 29 октября 1963 года, состоялась встреча высокопоставленного представителя ЦРУ

51 SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 474; THOMAS E. *Op. cit.* P. 204.

52 THOMAS E. *Op. cit.* P. 119.

53 EPSTEIN E.J. *Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald*. New York: Reader's Digest Press, 1978. P. 45, 258.

54 *Ibid.* P. 270–271.

с *Amlash*, запросившим личную встречу с Робертом Кеннеди, чтобы быть уверенным в американской поддержке. Американский партнер Десмонд Фицджеральд, начальник Отдела по особым делам (Special Affairs Staff), заверил кубинца, что он является «личным представителем» Роберта Кеннеди. Было ли это правдой – мы не знаем. Из материалов сенатского расследования 1976 года, откуда я черпаю эти сведения⁵⁵, не следует, что это было ложью. По заключению Шлезингера, осведомленность Роберта Кеннеди о планах убийства Кастро в 1963-м является недоказанной (*no hard evidence*)⁵⁶. Это формулировка друга. К сожалению, она не рассеивает подозрений.

Роберт Кеннеди был человеком принципов и убеждений, чувствительным и ранимым. Из всех версий убийства президента он выбрал самую мучительную – ту, что указывала на его собственную пагубную роль в событиях. Получалось, что он пошел на сделку с совестью и не только ничего не достиг – эта сделка, возможно, привела к гибели его брата, пошатнула многое из того, за что он боролся, нависла над его будущим, каким оно рисовалось в честолюбивых мечтах, – вот вероятный ключ к его подавленности и растерянности в первые месяцы после убийства Джона Кеннеди. Это же ключ к его апатии в отношении расследования. Что оно могло ему дать? Подтвердить подозрения, что убийство президента затеяли в ответ на планы убить Фиделя Кастро, которые он не пресек?

Если у Шлезингера осталось ощущение, что его вопрос об Освальде во время дружеского общения вечером 9 декабря 1963 года прозвучал бестактно, то оно отражает реакцию Роберта Кеннеди, обусловленную не только непосредственной болью, вызванной гибелью брата, но и мучительной мыслью о том, что он сам, Роберт Кеннеди, невольно приложил к этому руку, соблазнившись возможностью увидеть Кубу без Кастро, пойдя на сделку с собственной совестью, да еще как бы взяв на себя груз ответственности, а на деле узурпировав полномочия, принадлежавшие президенту⁵⁷.

Больная совесть диктовала выбор версии произошедшего в Далласе – месть за покушение на Кастро⁵⁸. Уверенности не было, но одно решение было принято. Именно такое, какое

55 *Final Report*. 3 f.; 15 f.; 17; 41; 68; 100 f.

56 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. XIV.

57 В известной мере сходную картину рисует Эван Томас. По его словам, к мысли о том, что Роберт Кеннеди «чувствовал личную вину вследствие своей вовлеченности, прямой или косвенной, в попытке убить Кастро», пришел еще Джон Маккоун, когда в 1975 году стали известными некоторые факты относительно соответствующих планов, разрабатывавшихся в ЦРУ тогдашними подчиненными Маккоуна (без его ведома): THOMAS E. *Op. cit.* P. 158, 283.

58 Версия, что это действительно привело к гибели Джона Кеннеди, представлена в книге: Ефимов И. *Кто убил президента Кеннеди?* М.: Терра, 1990. Остается, однако, неясным, почему Фидель Кастро должен был полагать, что убийство американского президента обеспечит его собственную безопасность.

естественно ожидать от человека, на которого «Орестея» Эскила произвела столь сильное и глубокое впечатление: он отказался от мщения. Когда однажды в печати в 1967 году его обвинили в планировании физического устранения Кастро, советники Роберта Кеннеди услышали гневную отповедь: «Я этого не начинал, я этому положил конец!»⁵⁹.

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО
ЭЛЛИНИЗМ РОБЕРТА
КЕННЕДИ

Роберт Кеннеди был человеком принципов и убеждений, чувствительным и ранимым. Из всех версий убийства президента он выбрал самую мучительную – ту, что указывала на его собственную пагубную роль в событиях.

Время притупляет боль. К тому же с ходом времени не появилось каких-либо подтверждений иностранного заговора на жизнь президента Кеннеди; с тем большей готовностью американский истеблишмент свыкся с представлением об Освальде как убийце, действовавшем в одиночку. При таком взгляде двусмысленная позиция Роберта Кеннеди в отношении планов убить Кастро оказывалась неприятной ошибкой, из которой можно было извлечь уроки, но не неизбежной виной за действия, приведшие к гибели брата. Мысль о заговоре тревожила все меньше; к весне 1968 года официальная версия укоренилась в его сознании в статусе более или менее очевидного факта. После выстрелов в Мартина Лютера Кинга Роберт Кеннеди сказал одному из своих помощников, Джеффу Гринфилду: «Этот парень, Харви Ли Освальд, или как там его звали, – он что-то основательно расшатал в этой стране»⁶⁰.

* * *

Психологическое равновесие было восстановлено много раньше. Существенную роль в этом сыграло чтение книг Эдит Гамильтон и греческих трагедий. Так представляет дело человек, хорошо знавший Роберта Кеннеди. Начиная с Геродота и Фукидида хороший историк – еще и хороший писатель. К Артуру Шлезингеру младшему это относится в полной мере. Он дважды становился лауреатом Пулитцеровской премии, а его обстоятельная, тщательно документированная и превосходно выстроенная биография Роберта Кеннеди получила Национальную книжную премию. Шлезингеру трудно не верить, хотя он не

59 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 494.

60 *Ibid.* P. 876–877.

вдается в особые объяснения, на чем зиждился психологический эффект от чтения «Греческого пути», Эсхила, Софокла и Еврипида; Эван Томас пытается продвинуться, но чувствуется, что греческая литература не его родной дом. И все же картина, набросанная одним биографом и поддержанная другим, действительно выглядит убедительной. В речи в Индианаполисе гибель Джона Кеннеди и строки из «Агамемнона» о боли, которую невозможно забыть, выступают в теснейшей ассоциации. Заговорив о потере близкого человека – впервые за все эти годы на людях, – Роберт Кеннеди тотчас переходит к Эсхилу. Эта ассоциация была, по-видимому, глубоко укоренена в его сознании. Вчитаемся внимательней в его слова:

«Тем из вас, кто, будучи чернокожим, испытывает искушение ответить на несправедливость содеянного ненавистью и недоверием по отношению ко всем белым людям, я могу только сказать, что в моем сердце сходное чувство: член моей семьи был убит; но его убил белый человек. Но мы в Соединенных Штатах должны приложить усилия, мы должны приложить усилия к пониманию, к тому, чтобы выйти за пределы этого непростого времени. Моим любимым поэтом был Эсхил. Он писал: “Когда мы спим, боль, которую невозможно забыть, капля за каплей падает на наше сердце, пока, наконец, к отчаявшимся, помимо нашей воли, приходит мудрость через повергающую в трепет благодать бога”. Что нам нужно в Соединенных Штатах – это не разобщение; что нам нужно в Соединенных Штатах – это не ненависть; что нам нужно в Соединенных Штатах – это не насилие и не беззаконие, но любовь, и мудрость, и сострадание друг к другу, и чувство справедливости по отношению к тем, кто все еще страдает в нашей стране, будь они белыми или черными»⁶¹.

В такой речи логика увещевания важнее логики рассуждения. Побуждая сокрушенных и возмущенных людей отказаться от мести, пытаюсь предотвратить их отчуждение, оратор апеллирует к тому, что в его собственном сердце – а он белый – живет горечь от сопоставимой и, возможно, еще более тяжелой и не менее несправедливой потери. Цитата из Эсхила подводит собравшихся к мысли, что не им одним выпало на долю переживать нестерпимую боль и что боль, сколь бы ни была мучительной, в конечном счете, из-за благодати бога смягчается.

Но что, по мысли оратора, собравшиеся и вообще «мы в Соединенных Штатах» должны попытаться понять («we have to make an effort in the United States, we have to make an effort to understand, to go beyond these rather difficult times»)? В психологическом плане эта фраза на месте: побуждение к раз-

61 KENNEDY R.F. *Statement on Assassination of Martin Luther King, Jr.*

мышлению является способом притормозить действие, которое в данный момент и со стороны данной аудитории может лишь обернуться вспышкой насилия. С логической точки зрения, призыв к пониманию повисает в воздухе, хотя можно догадываться, что в сознании говорящего, который на ходу выбирает одни и опускает другие слова, присутствует определенная связь: выход из трудной ситуации (*to go beyond these rather difficult times*) через понимание (*an effort to understand*). Складывается впечатление, что мысль, пронесшаяся в сознании оратора, была им приглушена. И эту мысль можно восстановить.

Дело в том, что Роберт Кеннеди приводит цитату из Эсхила не целиком. Он опускает первую фразу, в то время как Эдит Гамильтон, дважды цитируя в «Греческом пути» строчки Эсхила, оба раза включает ее: «Бог, в соответствии с законом которого, без страдания нельзя обрести понимание» («God, whose law it is that he who learns must suffer»). У Эсхила, таким образом, страдание в некотором смысле искупается мудростью, обретенным опытом. Перед собравшимися в Индианаполисе было уместней говорить о боли, а не о законах бытия, и потому важный для самого говорящего ход мысли получает лишь полустертое отражение⁶². Но мы вправе заключить, что гибель брата ассоциируется у Роберта Кеннеди не только с мучительной болью, но и осмыслением – горестным и глубоким – случившегося.

Еще один факт. Я уже упоминал фразу, написанную Робертом Кеннеди на отдельном листе бумаги в 1964-м: «Невинные страдают – как такое возможно и как Бог может быть справедливым[?]». Она взята из главы Гамильтон об Эсхиле. И эта фраза перекликается с другой, вырвавшейся из уст младшего брата в связи с гибелью старшего. Утром 23 ноября 1963 года тело убитого президента привезли в Белый дом. Возник тягостный вопрос, решение которого в значительной степени зависело от Роберта Кеннеди, – открывать ли во время похорон крышку гроба. Мертвый был не похож на себя, выглядел как восковой манекен: решили вопреки традициям гроб не открывать. В тот день Роберт Кеннеди ночевал в Белом доме. Проводившей его до спальни Чарлз Сполдинг, близкий друг братьев Кеннеди, слышал, как Роберт, оставшись один, горько воскликнул: «Why, God?»⁶³.

Похоже, Эсхил стал любимым поэтом Роберта Кеннеди потому, что погружение в его трагический мир помогло ему освободиться от деморализующего воздействия собственной тра-

62 Шлезингер пишет, что Роберт Кеннеди выучил наизусть знаменитые строки из «Агамемнона», и приводит их, вероятно, в таком варианте, в каком слышал из его уст: полнее, чем в речи в Индианаполисе, но короче, чем у Гамильтон: первая фраза редуцирована до «He who learns must suffer» (SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 618). В Индианаполисе Роберт Кеннеди допустил в цитате пару мелких неточностей и одну выразительную оговорку: вместо «несмотря на» (*despite*) он заговорил об «отчаянии» (*despair*).

63 *Ibid.* P. 611.

гической ситуации. Трагедия – престранный материя, пишет Гамильтон: изображая страдание, она тем не менее доставляет нам удовольствие. Еще задолго до нее этот парадокс отметил в своей «Исповеди» и Аврелий Августин:

«Почему человек так желает печалиться, видя изображения горестных и трагических событий, хотя сам испытать все это отнюдь не стремится? Так или иначе, но зрителю хочется испытывать печаль, и эта печаль улаждает его. Удивительное безумие! Притом, чем скорее должен бояться человек того, что происходит на сцене, тем более он и получает удовольствия. Когда все это происходит с ним самим, это называют страданием, когда – с кем-то из близких, он им сострадает, но разве можно сострадать театральным басням? И разве призовут его здесь на помощь? Нет, его приглашают лишь печалиться и, чем более он опечален, тем благодарнее автору этого измышления»⁶⁴.

Целительному воздействию именно древней аттической трагедии на Роберта Кеннеди можно попытаться найти некоторое объяснение. Шекспировская трагедия, которая в конечном, отдаленном счете, восходит к аттической, во многих отношениях существенно от нее отличается. У Шекспира неотменимую роль в развитии событий играют злой умысел закоренелых злодеев (как Клавдий или Яго), или неодолимая жажда власти и почестей (как в случае с Макбетом или Ричардом III), или роковое стечение обстоятельств (как в «Ромео и Джульетте»). Воля и случайность; произойди что-то чуть иначе или кто-то вовремя одумался бы – и трагедии не было бы. У греков по-другому. Эдип совершил ужасные преступления, не догадываясь об этом. Геракл умертвил собственных детей исключительно потому, что ревнивая Гера наслала на него безумие. В «Семерых против Фив» Эсхил строит действие так, что мы чувствуем – Этеокл не может избежать поединка с родным братом, хотя и не желает того; сходным образом в «Агамемноне» могущественному царю не избежать западни и унижительной смерти от руки женщины. Страдание и гибель в аттической трагедии не случайность, недоразумение, а следствие какого-то непреложного хода вещей, с которым ничего не поделаешь. Однако пред лицом неодолимого человек способен проявить величие души, вести себя мужественно и разумно. Сходное настроение Роберт Кеннеди должен был найти и у Альбера Камю, ставшего для него другим, наряду с греческой трагедией, новым и важным литературным увлечением⁶⁵. Но у Камю нет той возвышенной и возвышающей поэтической атмосферы, что свойственна произведениям Эсхила, Софокла и Еврипида.

⁶⁴ Блаженный Августин. *Исповедь*. СПб.: Наука, 2013. С. 31.

⁶⁵ SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 619.

В строчках из «Агамемнона» о боли, которую невозможно забыть, заключен особый эффект: в них правда жизни, они свободны от ложных обещаний в духе нормативного оптимизма, свойственного мировоззрению Нового времени, особенно в Северной Америке; они разрешают признать свое горе бесконечно огромным, неизбывным; и вместе с тем через участие божеества, через частичное возмещение страданий посредством обретения мудрости они сулят надежду на смягчение боли – и даже почти обещает это. Прибавим, что «Агамемнон» – произведение, созвучное тому, что представляло значение для Роберта Кеннеди. Это в известном смысле политическая трагедия: закончилась война; человек, стоящий во главе государства, коварно убит, и власть переходит к другим людям. Там немало отсылок к повседневной жизни простых людей, затрагиваются горестные судьбы воинов и их близких. «Агамемнон» – до некоторой степени произведение антивоенное. Хотя в тексте не раз звучит мотив наказания Трои за деяние Париса и легкомысленную измену Елены, в нем, кроме разве что пары блеклых фраз, ни тени от торжества победителей. Напротив, индуцируется ощущение едва ли не ужаса от взятия и разорения города, от рабской участи уцелевших. Устами хора автор объявляет свою политическую позицию:

Мне бы – верную долю,
Городов бы не рушить,
Но зато и не ведать бы
Ни неволи, ни плена

(477–480, перевод С. Апта)⁶⁶.

Среди литературных текстов, которые в сложившихся обстоятельствах приобрели для Роберта Кеннеди особое значение, следует назвать еще стихотворение Теннисона «Улисс». Будучи хрестоматийным в англоязычном мире⁶⁷, оно в каком-то смысле было обречено прозвучать особенным образом для Роберта Кеннеди, человека деятельного и устремленного. Я имею в виду концовку «To strive, to seek, to find, and not to yield» («Дерзать, искать, найти, не покоряться»⁶⁸).

Публикуя в 1967 году под одной обложкой сборник своих выступлений, Роберт Кеннеди называет книгу «To Seek a Newer World» с явной отсылкой к строчке из «Улисса»: «'T is not too late to seek a newer world»⁶⁹. Поскольку Америка – это *the*

66 Эсхил. *Орестея*. М.: Художественная литература, 1958. С. 19.

67 Эдит Гамильтон, включая в свой прозаический текст стихотворную строчку из «Улисса» «far on the ringing plains of windy Troy», даже не заключает слова в кавычки, как и не называет имя их автора (HAMILTON E. *The Greek Way to Western Civilization*. P. 165).

68 В варианте Вениамина Каверина (роман «Два капитана»): «Бороться, искать, найти и не сдаваться».

69 В переводе Константина Бальмонта: «пока не слишком поздно / Нам будет плыть, чтоб новый мир найти».

New World, а Роберт Кеннеди стремится к ее обновлению, то с названием выходит настолько ловко, что можно было бы подумать, будто политик обращается с великой поэзией как со служанкой. Это не так; подозрение опровергается эпитафией к книге, взятым из «Улисса». Прагматический подход не требовал длинной цитаты в восемь строк, ее появление продиктовано желанием поделиться переживанием их красоты (цитата начинается стихом: «The lights begin to twinkle from the rocks» и завершается словами «until I die»⁷⁰).

Страдание и гибель в аттической трагедии не случайность, а следствие какого-то непреложного хода вещей, с которым ничего не поделаешь. Однако пред лицом неодолимого человек способен проявить величие души, вести себя мужественно и разумно.

Написанное в 1833 году стихотворение Теннисона принадлежит эпохе, по-настоящему оценившей греческую литературу, однако не будем преувеличивать его связь с традицией европейского эллинизма. Помимо «Одиссеи», среди источников «Улисса» и XXVI песнь дантевского «Ада», и гамлетовские диалоги; не неоэллинизм, а одно из самых ярких выражений духа XIX столетия.

Трудно сказать, сознавал ли Роберт Кеннеди, что ситуация, которая вызвала к жизни столь любимое им стихотворное произведение⁷¹, была в значительной мере похожа на его собственную. Теннисон, когда ему было 24, внезапно лишился своего лучшего друга Артура Халлама, который на тот момент был к тому же единственным литературным критиком, по-настоящему оценившим его поэтическое дарование. Эта была тяжелая потеря, ответом на которую явилось стихотворение, сплавившее воедино ностальгию, эскапизм и решимость не покоряться обстоятельствам.

Не покоряться обстоятельствам – то был общий вывод из греческой трагедии (в ее восприятии, отчасти подсказанном Эдит Гамильтон), из «Чумы» и «Мифа о Сизифе», из «Улисса»⁷². Боль

70 У Бальмонта: «Мерцая, отступает свет от скал [...] и прежде, чем умру».

71 SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 818: «Кеннеди читал книги по истории, биографии, иногда – романы, но больше всего он любил поэзию. Среди его самых любимых поэтических произведений был “Улисс” Теннисона».

72 Сходное настроение – переходя с уровня высокого искусства к искусству популярному – поддерживал в Роберте Кеннеди и бродвейский мюзикл «Человек из Ламанчи»; он смотрел его трижды и непрерывно крутил пластинку с песней «The Impossible Dream»: «To dream the impossible dream, / To fight the unbeatable foe, / To bear with unbearable sorrow, / To run where the brave dare not go, / To right the unrightable wrong» (SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. 804; THOMAS E. *Op. cit.* P. 320).

не была забыта, но деморализующая зависимость от нее закончилась. Можно было устремиться вперед. Тем более, что в силу того, что произошло, Роберт Кеннеди перестал быть младшим братом и вступил на путь подлинного самоопределения⁷³.

И если мучительное подозрение своей причастности к тому, что произошло в Далласе, могло порой возвращаться, то своим чувствам по отношению к убитому брату Роберт Кеннеди сумел найти конструктивное выражение. Он сам оказался автором по-своему замечательной книги – «Тринадцать дней», – написанной в 1967 году и опубликованной уже посмертно. Это основанное на воспоминаниях повествование о Карибском кризисе (в благополучном разрешении которого сам Роберт Кеннеди сыграл не последнюю роль). В ней нет изысканности, но есть правдивый рассказ: воссоздается картина сотрудничества людей, часто не согласных друг с другом и находящихся при этом под огромным грузом ответственности за судьбы своих близких, страны, да и всего человечества. В ней, кстати, нет ни толики высокомерного отношения к «русским». В действиях Хрущева подчеркивается не столько бесшабашность, с какой его самонадеянные маневры поставили мир на грань ядерной войны, сколько благоразумие и чувство ответственности, в силу которых он вовремя отступил. Видно, правда, что наглость, с которой лгали советский посол или советский министр иностранных дел, вызывает у Роберта Кеннеди некоторую оторопь.

По прочтении «Тринадцати дней» вырисовывается убедительный образ человека, который в эти дни проявил себя как подлинно значительный государственный деятель – Джон Кеннеди. И достигается это не с помощью комплиментов и прочих выразительных средств, а точной – в фактическом и литературном смыслах – регистрацией существенных фактов. Гарольд Макмиллан, британский премьер-министр на момент Карибского кризиса, написал в своем предисловии:

«Невозможно читать эту небольшую книжку, с ее столь безыскусным и тем не менее столь драматичным повествованием, не задумываясь в очередной раз о том, сколь много мир потерял со смертью этих двух братьев»⁷⁴.

Справедливость слов Гарольда Макмиллана в отношении Роберта Кеннеди подтверждает речь, произнесенная 4 апреля

73 «Убийство брата в ноябре 1963 года угнетало его. Он скорбел неделями, месяцами. Но парадоксальным образом это несчастье его освободило. Он подавлял свое внутреннее “я” с детства, сначала для того, чтобы показать себя перед отцом, а затем – чтобы помочь брату. В 1961 году инсульт сделал отца инвалидом; теперь и брат был мертв. Третий акт стал подлинным началом: “Теперь сам”. Наконец, Роберт Кеннеди получил свободу, чтобы обрести собственный голос и лидерство» (SCHLESINGER A.M., JR. *Op. cit.* P. XIV–XV).

74 KENNEDY R.F. *13 Days. The Cuban Missile Crisis, October 1962*. London: Macmillan, 1969. P. 18.

1968 году в Индианаполисе. Мы знаем, что она вполне самостоятельна и не написана спичрайтерами⁷⁵. Ее политическая эффективность не подлежит сомнению – в Индианаполисе, в отличие от подавляющего большинства других крупных городов, обошлось без беспорядков, следовавших вслед за убийством Мартина Лютера Кинга.

Мы видим в этой речи безупречное сочетание ума, искренности и такта. И мы видим за ней политика, способного принести людям утешение, пробудить в них надежду вместо отчаяния. Мы видим политика, способного объединять людей, апеллируя к их самоуважению и способности к солидарности, приводя в движение их лучшие, а не худшие стороны.

* * *

Ахилл, потерявший самого близкого себе человека, остается безутешен; ни месть виновнику горя, ни самое торжественное, какое только мыслимо, погребение друга не приносят ему успокоения:

Сонм распущен; и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
[...]

То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратясь,
К ложу лицом припадал; напоследок бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих,
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вокруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе.

(П. XXIV, 1–18; перевод Н. Гнедича)

В пору своего душевного смятения, после убийства в Далласе, Роберт Кеннеди признавался одному из своих друзей, что не может спать. Его поместье Хиккори Хилл находилось далеко от моря: он одиноко бродил по пустынным зимним полям. У него не было колесницы: встав до рассвета, он мчался в своей машине; бывало – к могиле брата⁷⁶. И если горечь утраты

75 SCHLESINGER A. M., Jr. *Op. cit.* P. 877.

76 *Ibid.* P. 617; THOMAS E. *Op. cit.* P. 282.

умножалась горечью возлагаемой на себя вины, то не иначе показаны и чувства Ахилла:

Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим.

(Л. XVIII, 101–103; перевод Н. Гнедича⁷⁷)

Разумеется, я не буду утверждать, что Роберт Кеннеди прожил несколько недель, следуя гомеровским образцам, но я предлагаю разделить мое изумление и перед самим сходством, и перед древним поэтом, и перед историко-культурным явлением, обозначенным здесь словом «эллинизм»: коль скоро в одном из самых первых произведений греческой литературы мы находим столь глубокое проникновение в человеческую душу и столь действенное приглашение к сопереживанию, уже это одно побуждает считать, что мы действительно имеем дело с таким прошлым, которое не теряет своего значения и выступает как *the ever-present past*, по словам Эдит Гамильтон.

Наша культура тысячами нитей связана с эллизмом. Мало того, античная цивилизация и цивилизация Нового времени сходны в том отношении, что в них действуют политические сообщества, дающие простор отдельным индивидам. В силу сходных социальных ситуаций, сходных межиндивидуальных отношений многое из античного наследия легко впитывается, а кое-что в известной мере даже повторяется.

Джозеф Кеннеди наставлял своих сыновей: «Нашей семье требуются победители. Второе, третье место – это не считается, – побеждайте!»⁷⁸ Сходное наставление получил от отца и Ахилл: «Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться» (Л. XI, 783–784; идентичное наставление появляется и в связи с еще одним гомеровским героем: VI, 206–208).

Джозеф Кеннеди исходил, разумеется, из американских реалий, но его принципы формировались и формулировались в культурном пространстве, насыщенном греческими влияниями. Сходным образом в разных местах и временах социальные отношения могут складываться так, что высокую ценность приобретает репутация того или иного индивида, но для греческой цивилизации это было особенно характерно. При этом принцип, изначально применявшийся к отдельным людям, был здесь распространен на отдельные государства. Вспоминая тяжелое поражение от македонского царя Филиппа, Демосфен, обращаясь к афинянам, возражает против мнения, что с маке-

77 Перевод чуть утрирован: слов «Что же мне в жизни?» в оригинале нет, но выраженная ими идея присутствует.

78 SCHLESINGER A.M., Jr. *Op. cit.* P. 14.

донским царем следовало не воевать, а договариваться: «Даже если бы всем нам открылось вдруг будущее [...] нам нельзя было отступить от начатого, если принимать в расчет репутацию, предков и грядущие дни» («О венке», 199).

И когда во время Карибского кризиса, в то время как на Кубе монтировались ракетные установки с ядерными зарядами, нацеленными на американские города, Роберт Кеннеди убежденно выступал против бомбардировок острова, считая кровопролитное нападение могущественной державы на заведомо более слабое государство несовместимым, как ему казалось, с американскими идеалами, с притязанием страны на уважение в мире, в его словах звучала традиция эллинизма⁷⁹. При некогда огромной роли умения прилюдно выступать и вести дискуссии в американской общественной жизни и образовании (я видел в доме одного американского политика том речей Цицерона, испещренный подчеркиваниями и заметками на полях), здесь можно думать даже об отдаленном отголоске приведенных слов Демосфена, хотя, бесспорно, к 1962 году ход мысли, выраженный у Роберта Кеннеди, давно пропитал западную культуру.

Эллинизм – это мыслить возвышенно и благородно; эллинизм – это честолюбие, соединенное с величием целей и трудностью задач. Такого рода строй мысли пронизывает речи и сочинения Роберта Кеннеди, но, опять же, он обычен для Нового времени и не только в силу усвоения античного наследия. Сходным образом находящая отголосок в кливлендской речи Кеннеди формула Гилберта Мюррея, определяющая прогресс как «some gradual ennobling and enriching of the content of life», имеет несомненное отношение к «Илиаде», Афинам V века до нашей эры, Плутарху. И все же облагораживание жизни в неразрывном сочетании с расширением заключенных в ней возможностей, с обогащением ее содержания – это принцип Нового времени.

Эллинизм Роберта Кеннеди предстает в разных ипостасях. Одна из них несколько неожиданная. Выраженная во фразе об укрощении дикости в человеке и смягчении нравов в нашем мире («to tame the savageness of man and make gentle the life of this world»), она связана не с великими деяниями и бессмертной славой, а с состраданием и гуманностью. Эта сторона греческой культуры, хотя и менее очевидна, тем не менее совершенно реальна. Выраженным в этой фразе духом, при всем прославлении силы и доблести, пронизаны «Илиада» и «Одиссея»; он различим в произведениях древней аттической трагедии и очевиден в аттических надгробиях; через гречес-

79 KENNEDY R.F. *13 Days...* P. 42.

кий театр – и в особенности новую аттическую комедию, с ее, конечно же, лишенной героического начала, но прочной гуманностью, он распространится до берегов Атлантики и Тихого океана. Мы видели, что эта ипостась эллинизма приобрела особое значение для Роберта Кеннеди в силу той роли, какую обращение к книгам Эдит Гамильтон и греческой трагедии сыграло в преодолении душевного кризиса, постигшего его вследствие гибели Джона Кеннеди и особых ее обстоятельств. Но и здесь стоит различать прямое влияние греческих произведений, прежде всего Эсхила, и опосредованное восприятие греческого наследия.

Политическая деятельность и судьба самого Роберта Кеннеди показали, как много и как мало преуспели греки и другие народы в укрощении дикарского начала в человеке. Следует удивляться скорее первому, нежели второму. Цивилизация относится к искусству жить сообща, и из этого искусства проистекает прогресс в отношении технологии и прочих средств, позволяющих сделать общественную жизнь более радостной и разнообразной. Там, где на передний план, вместо свободного и уважительного взаимодействия, выходят неравноправие и принуждение, где люди предпочитают жить, «зная себя одного, о других не заботясь» (*Od.* IX, 115), дикарское начало пробивается наружу и в атомный, и в компьютерный век.

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО
ЭЛЛИНИЗМ РОБЕРТА
КЕННЕДИ

